

Народная Воля

На прастор, на шырокі разлог
Выхадзі, мой народ, грамадою...

Якуб Колас

Пейджинговую связь
редакция обеспечивает
компания
МОБИКОМ
пейджинг-система
(017) 222-46-51
(017) 222-46-52

Кальченко & К°
Литературно-художественное
издательство
г. Минск, ул. Мухоморова, 15
Тел. (017) 223-11-11

Личный взгляд

4. Куда идет Германия?

Продолжение. Начало в
№№ 49—151.

Перефразируя известного пролетарского поэта, можно сказать так: "Мы говорим Европа — подразумеваем Германия, говорим Германия — подразумеваем Европа". Конечно, с этим тезисом некоторые не согласятся, другие воспримут его болезненно. Но и первые, и другие уже согласны с особой, ответственной ролью Германии в судьбе старого континента.

У меня такое ощущение, что влияние этого гиганта на судьбы Европы еще не осмыслено даже теми, кто кричал этим занимаясь. В том числе и самими немцами. То ли амбиции некоторых соседей препятствуют во весь голос заявить об очевидном, а то и ли покаянное желание немцев не выпячиваться, чтобы не спутать кого-то великим замашками великой Германии, рождает недоговоренности.

Однако и далее делать вид, что в Европе нет доминанты, — то же самое, что и не замечать восьмимесячную беременность. Достаточно бросить взгляд на темпы развития и потенциал ведущих стран, чтобы увидеть: в Европе нет равных Германии. Она одна производит продукции больше, чем Великобритания и Италия вместе взятые. По ведущим направлениям ФРГ "дышит в затылок" Японии и США.

Германия — очевидный претендент на духовное лидерство. Жизнь, как всегда, не ожидала заключений аналитиков и политиков, которые вертятся вокруг своей доминанты. Все ведущие европейские для и мировые выставки уже давно прописались в ФРГ, почти во всех европейских государствах главным торговым партнером стала эта же страна. В восточноевропейских государствах немцы язык по-прежнему английский в русский. Налью очередное немецкое "Нах Остен" — "наступление на Восток". На этот раз — силами фирм, авиаконцернов, международных образовательных центров, десятками бизнесменов, депутатов, политиков, гуманитарной помощью...

С новой ролью всегда приходит и новая ответственность. Готов ли к ней Германия?

С одной стороны, она выступает дисциплинированным членом Европейского Союза, налаживает новые добрососедские отношения с восточными соседями, помогает им кредитами и соатами по выходу из кризиса, осуществляя своего рода маленький "план Маршалла".

Но с другой... Ни одна страна Европы не политически экономически так режим Лукашенко, как Германия. Если бизнесмены ряда европейских стран приостановили свое продвижение в Беларусь, то германские не сделали этого. Александр Лукашенко уже второй год подряд гостит у них на Родине. В апреле этого года с белорусским президентом встретился даже претендент на кресло канцлера Германии Герхард Шрёдер. И хотя ведущие политики и газеты ФРГ остро критиковали последнего за столь опрометчивый шаг, прозвучали голоса и в поддержку позиции Шрёдера. Дескать, надо встречаться и с диктаторами, беседовать с ними, убеждать их. Некоторые представители бизнеса, с которыми мне довелось пообщаться на эту тему, неубедительно объясняли, что они в политику не вмешиваются, а развивают торговлю с белорусскими партнерами ради обоюдной выгоды.

Словом, не скрыть очевидное: чем-то нравится Лукашенко многим немцам, а вот чем — не нравится. Возможно, его облик пробуждает ностальгию по прошлому. Некоторые неплохо информированные собеседники высказывают мысль, что немцам бизнесменам по душе твердый порядок, который навел в стране Лукашенко. В такой ситуации всегда дешевле рабочая сила, не слышно голоса профсоюзов. Значит, можно спокойно выкапывать отсюда прибыль.

Но если это так, то к чему может привести Европу такой лидер? Уже по одному этому факту пора начать серьезный разговор о нравственной ответственности претендента на лидерство.

Другие информированные собеседники убеждены, что немцы на руку Лукашенко. Они могут теперь вывести европейские оппоненты: мол, вот и в Беларусь появился диктатор, такая беда может случиться в любой стране, ибо диктатура — не чисто немецкое явление. И потому они симпатизируют Лукашенко, ибо он выгоден им. Именно на этой симпатии опираются и пытаются сыграть Шрёдер, идя на встречу с белорусским президентом, и нацеленная общеполитическую установку избегать подобных контактов.

Если это так, то это страшно.

Итак, по какому пути пойдет Германия?
Иван МАКАЛОВИЧ.
Продолжение следует.

Сацыялогія

50 працэнтаў апятаных кіраўнікоў беларускіх прадпрыемстваў лічаць, што вытворчасць стрымліваецца існуючым валютным курсам

Падчас кан'юнктура апытання, праведзенага вучунай экспанзіяй НДІ Мінэканомікі Рэспублікі Беларусь, 180 кіраўніком прамысловых прадпрыемстваў рэспублікі было прапанавана адказаць на пытанне: "ЦІТО ЦІПЕР БОЛІШ ЗА УСЕ СТРЫМЛІВАЕ ВЯТВОРЧАСЦЬ НА ВАШЫМ ПРАДПРЫЕМСТВЕ?"

Сарод прычын, якія стрымліваюць вытворчасць, на першае месца выйшла недаход абаротных сродкаў (64 працэнты). Кожны другі эксперт (па 50 працэнтаў) указваў на высокую ціна на сыравіну і матэрыялы, а таксама на валютны курс.

курс. 44 працэнты апытаных не задаваліся падатковай палітыкай. Па 39 працэнтаў рэспандэнты адзначалі такія стрымліваючы фактары, як нізкі плацежаспаздальнасць, 28 працэнтаў апятаных называлі крызісна-грашовай палітыкай. На неход абсталявання і кваліфікацыйных кадраў скарыдзіла адпаведна 13 і 10 працэнтаў рэспандэнтаў. І толькі 3 працэнты экспертаў указалі, што на іх прадпрыемствах нішто не стрымлівае працэс вытворчасці.

Людміла ІГНАЦЕВУ, БЕЛПАПЕР.

Династии

Примет село специалистов

Наташа и Лена Соколовы — сестры-близнецы. Обе учатся в Витебской государственной академии ветеринарной медицины. Получить профессию ветеринара для них — семейная традиция.

Фото Александра ХИТРОВА.

Расследованні

Экс-старшыня ЗАТ "Рассвет" Василь Старавойтаў працягвае знаёміцца з кримінальнай справай

Намеснік начальніка следчага камітэта МУС Рэспублікі Беларусь Анатоль Сміленцаў, які ўзначальвае спецыяльную групу па справе былого старшыні аграпрамысловага аб'яднання "Рассвет" Василь Старавойтаў, у гутарцы з карэспандэнтам БЕЛПАПЕР абмеркаваў інфармацыю аб тым, што В.Старавойтаў у афіцыйна адмовіўся знаёміцца з матэрыяламі кримінальнай справы.

"Василь Старавойтаў, якому абвінавачваюць ва ўчыненні зла-

чынстваў па дзесяці артыкулах кримінальнага кодэксу РБ, а таксама іншыя асобы, якія трымаюць па гэтай справе, знаёміцца з матэрыяламі шматтомнай справы", — сказаў А.Сміленцаў. Нягледзячы на прыняты артыкул 126 Кримінальнага працэсуальнага кодэксу РБ прадуладжана, што перадача матэрыялаў у суд можа ажыццяўляцца ўжо па "адправажных эпізодах" да канчатковага завяршэння следства.

Па словах А.Сміленцава, частка эпізодаў у дзеянні В.Старавойтаў ужо "адправажана" і інкіравана ў суд. Адносна аб'яўлення "Рассвет" у суд ужо было разглядаюцца некалькі спраў.

Генерал БАРБАРЫЧ.

Наболело!

Рабочие Лоевского объединения котельных и тепловых сетей решили больше не тревожить министра...

Уважаемый господин министр! Прочитав Ваш ответ в "Народной воле" от 1 июля (№116 (468)), мы, рабочие, были глубоко удивлены тем, что лично Вы, Борис Васильевич, и наше Министерство жилищно-коммунального хозяйства дежно и ношно предпринимаете меры по увеличению заработной платы работающим в этой сфере.

Мы решили больше к Вам не отправлять начорным почтой Ковальчука, потому как его к Вам на прием все равно не допустят. Поэтому нам больше ничего не остается, как со страниц газеты сказать: "Примите наш земной поклон за работу о нас".

Вы, Борис Васильевич, нам приводите цифры роста зарплат: проценты, проценты, проценты... Как когда-то при Сталине, Хрущеве, Брежнев, а теперь и при Лукашенко. Насколько мы понимаем, эти проценты, Вами приведенные, очень удобны для любого министерства, в том числе и жилищно-коммунального хозяйства. Советам министров, нашего президента, но только не для нас. Ибо перемены мы реально не ощущаем. Как в собственном кошельке в день зарплаты, так и в потребительской корзине при посещении ближайшего магазина. Нас, рабочих, интересует, сколько мы заработаем миллионов рублей в месяц, чтобы не только себя прокормить, но и семью.

Вы, уважаемый Борис Васильевич, ссылаетесь на постановление Совета министров от 30.03.1998 года, согласно которому можно с 1 марта 1998 г. делать надбавку за стаж работы в отрасли аж до 20% от тарифной ставки (должностного оклада). А ставка же копеечка 3-го разряда за час работы составляет 4 тыс. 700 рублей, да добавим надбавку за стаж работы в отрасли от 1 до 5 лет — и мы получим в месяц надбавку в кругленькую сумму денег... (аж!) в 40 тысяч "зайцев". И эти ничтожные крохи Вы, Борис Васильевич, считаете значительной прибавкой к заработной плате?

В заключение своего письма, Вы, господин министр, сообщаете нам о дополнительных видах выплат, позволяющих увеличить оплату труда работникам котельных и тепловых сетей Лоевского объединения, руководствуясь приказом по министерству от 9 июня 1998 г. за №06/02-254. Зачем же

Вы, уважаемый Борис Васильевич, вводите, мягко говоря, в заблуждение, а проще — обманываете читателей и своих подчиненных?

Ваши министерские бюрократы, заметим Вам, это письмо выслали только тогда, когда мы 9 июля в своей бухгалтерии стали этим документом интересоваться. Оказавшая Вами ежемесячная помощь, дорогой Борис Васильевич, в четыре буханки ржаного хлеба нашего материального положения вовсе не улучшила. Оно по-прежнему остается тяжелым. Наши думы о том, как выжить.

Выходит, сытый голодного не понимает. Как и тот, кто живет в тепле, не понимает человека, колющего от холода. А впереди, Борис Васильевич, холода, и кто-то должен вспомнить о нужности и важности нашей "теплой" профессии.

ГРИШЕНКО Е.Ф.
ФЕДЧЕНКО О.Д.
НАРОМОНОВ А.Н.
СИНЮЛО А.И.
МАМЕДОВ М.М.
ГРИБ Н.И.
ЛЫСЕНКО В.И.
САМУНИН Г.Н.
ЕРОМНИН И.В.
ЗАХАРОВ Ф.Н.
и другие.

Рейтинг

Как я опрашивал прохожих и как они отвечали на мои вопросы

Помните слова президента в адрес рабочих после профсоюзного митинга 15 июля? Очень уж обиженым выглядел тогда Александр Григорьевич. Ну, как же?! Силы, добытые небывалыми спортивными успехами, немудреной энергией "молодого президента", потрачены впустую. Эти "бездельники-рабочие" так и не поняли, какую заботу о них проявляет родное государство.

Заводской район — самый рабочий в Минске. Вот и посмотрим, как сегодня относятся пролетарии к происходящему. "Кого бы Вы выбрали сегодня президентом?" и "Как Вы думаете, есть ли сегодня демократия на Беларуси?" — с такими вопросами я отправился на станцию метро "Автозаводская".

То ли рабочие народ такой "неблагодарный", то ли не слушают наше родное радио и не смотрят БТ-канал, где каждый божий день вразлоб твердит о грандиозных преобразованиях в промышленности, сельском хозяйстве и вообще экономике, то ли они вообще не читают государственных газет, где расписывается очередная "милость" по отношению к рабочим, а именно: минимальная зарплата аж до 350 тысяч целковых (это же целых четыре с половиной доллара!). Не знаю, но итоги этого опроса пошатнули рейтинг Лукашенко аж на пять процентов.

Итак, сегодня за него отдали бы свои голоса 11 человек, или 20% опрошенных. Рабочие, служащие, почему-то врачи, в возрасте около 50 лет и, конечно, наши пенсионеры от 55 до 83 лет — вот основные избиратели нашего Рыгорича.

На втором месте у пролетариев (говорю так, потому что более 80% опрошенных оставили рабочие и инженерные) стоит Геннадий Карпенко с рейтингом в 7%. Три с половиной голоса готовы отдать продавцу (43 года), рабочему (41), журналисту (43) и учи-

тельнице 45 лет. Именно учительница (кстати, историк) в выборе отдала бы предпочтение ли Карпенко, или Шушкевичу, будь выборы сегодня. Это ж, Геннадий Дмитриевич, стабильный рейтинг, но широким.

Станислав Станиславович по-прежнему полюбил. 2,5 голоса, или 5%, он набрал на минувшей неделе (от избирателей, которых я опрашивал). Рабочая 51 год и 45-летний начальник какого-то производственного отдела (об учительнице уже упоминал выше), избранный же сегодня президентом Беларуси экс-спикера. Его рейтинг увеличился всего на 1%.

Последнее место, потому как других имен, кроме вышеперечисленных, у меня не нашлось, сегодня занял бы Зенон Позняк. Его рейтинг падает. Всего четырьмя процентами может довольствоваться Зенон Станиславович. За него "непоколебимо" еще с минувших президентских выборов голосовали рабочий 38 лет и его мастер 41 года с нашего тракторного завода.

Помните, в начале статьи я упомянул о "неблагодарности" рабочего класса. Я хочу подтвердить свои слова 13 голосами (или 26%) вердикта "только не Лукашенко". 9 из них принадлежат рабочим и инженерам, остальные четыре — коммерсантам (38), пенсионерам (62) и пенсионерке (61), а также медработнице (43). Это уже на 4% выше, чем раньше — есть над чем подумать энергичной президентской "вертикали", создающей имидж Александра Григорьевича.

О том, что "никто не достоин" (понятно, из названных мною) стать президентом Беларуси, считали 11 респондентов. Рабочие (7 человек), студенты и пенсионеры — эта категория граждан наверняка не пойдя на выборы или проголосует против всех. Правда, а состоит ли вообще выборы? "Не знаю" — то ли чего-то боялся, то ли еще для себя не решился, но таких набралось 7 человек. Аполитичных людей на минувшей неделе стало значительно меньше. Тот же ответ давали в прошлый раз 11 человек.

Какие же можно сделать итоги? Рейтинг президента уменьшается, а лидеров оппозиции практически не изменяется. Растет недовольство президентом, но и по поводу голосования за кого-то определенного избиратели пока тоже ничего не могут сказать. Эта позиция, ясна: "Будут выборы, определимся!".

В импровизированном опросе принимали участие 25 человек и столько же мужчин. Каждый голосующий приносил в актив 2%. За погрешности прошу вникать меня, выбравшего неспециально по своим делам пассажиров "демократического" метро, а спокойно и уверенно шествующих. С такими людьми и поговорить можно, и шуток перекинуть.

"Ну, с президентом все ясно, а что там насчет демократии?", — скажет нетерпеливый читатель. Насчет не, родимый, скажу следующие. Хотя и за Александра Григорьевича они голосуют, однако признают целиком и полностью, что нет демократии в наших заповедных местах и не известно, когда она наступит. Так считает 25 человек.

"Все-таки она есть", — думают двое.

"Не знают", "не вмешиваются в политику" двадцать три опрошенных.

Интересные данные, не правда ли? На Марсе жизни, вроде, и не нашли, а вот какие телескопы понадобятся ученым, чтобы обнаружить демократию у нас под боком? Вообще-то, не приходится сомневаться, достаточно "демократия" из уст вы уже поняли кого... Зачем она белорусам, только головная боль от нее.

Вячеслав БЕЛУГА,
социолог-любитель.

АНОНС!
О том, как минчанка Алла КЛЮКА оказалась в Нью-Йорке
и как ей теперь живется, читайте на 3-й странице.

Школьные учителя как инструмент борьбы с конкурентами

На мой взгляд, в первые четыре года нахождения у власти нынешнего президента для разорения предпринимателей зачастую использовались государственные органы, называемые силовыми. Это налоговый и контрольный комитеты, МВД, КГБ. На потом году власти к борьбе с белорусскими бизнесменами режим, судя по всему, стал подключать и несильные структуры, такие как, например, Министерство образования.

Безобидный внешне учебный атрибут учителя — школьный дневник — стал предметом нервной конкурентной борьбы. Управление делами президента наладило производство этих самых дневников. Однако потребительские качества изделия школьникам и родителям не устраивали, а потому они приобретали дневники, выпу-

щенные другими предпринимателями. Это было явное покушение на президентские доходы, которое должно пресекаться на корню. Неудивительно, следовательно, появление специального приказа Министерства образования об утверждении единого образца дневника. Руководствуясь этим актом, Управление общего среднего образования Министерства направляет в школы директиву о применении исключительно "шкількоўскага" (шкількоўскага) "дзёньніку". Как сообщила 19 августа 1998 года весьма осведомленный президентский рупор — газета "Советская Белоруссия" — "дзёньніку другога абразца, несамым у нас у нашых школах прымаць у настаўнікаў не будуць".

Управление делами президента в

своей борьбе с белорусскими предпринимателями заставляет директоров школ и учителей ущемлять интересы других изготовителей дневников. Но "совершенные действия, направленные на ущемление законных интересов лица, ведущего аналогичную деятельность, и потребителей — наказуется лишением свободы до двух лет с конфискацией имущества" (статья 151 Уголовного кодекса).

Действия же должностных лиц Управления общего среднего образования Министерства Н.С.Фисенко и Б.А.Абрамовича в соответствии со статьей 167 УК называются превышением служебных полномочий, трактуемым как "умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему законом, если в результате этого причинен круп-

ный ущерб правам и законным интересам граждан. Наказание за такие деяния — лишение свободы на срок до трех лет. Это относится и к тем должностным лицам областных, городских, районных отделов образования, которые станут претворять в жизнь данную директиву.

Министерским чиновникам, школьным инспекторам, педагогам надо хорошо подумать о последствиях, чтобы страх перед служебным возмездием за невыполнение высочайшего указания сегодня не привел их на скамью подсудимых завтра.

Валерий ШУКИН,
депутат Верховного Совета 13-го созыва,
секретарь парламентской комиссии по
национальной безопасности, обороне и
борьбе с преступностью.

Личность и время

Удивление даром жизни

Телефонный звонок был обычным. Необычной была собеседница. Я сначала не узнала... "Света Алексеевич, — слышалось в трубке. — Я случайно узнала, что ты здесь..." Света в Бремене! Моя давняя добрая знакомая. Помню ее с тех пор, когда она была еще журналисткой республиканской "Сельской газеты", затем — заведующей отделом публицистики журнала "Неман". Автор легендарной книги, совершившей победное шествие по миру, "У войны не женское лицо" и трудных, честных, чистых "Последних свидетелей", "Цинковых мальчиков", "Зачарованных смертью".

Она получила престижную немецкую премию за лучшую политическую книгу года "Чернобыльская молитва — хроника будущего" и пригласила меня на это торжество. Я сразу же позвонил компетентным людям и узнал, что премия "Политическая книга" учреждена в 1982 году объединением издателей, книготорговцев и библиотечек немецкого фонда Фридриха Эберта, лидера старой немецкой социал-демократии, первого президента Немецкой Республики в 1918 году, и что в разные годы ее получали Михаил Горбачев, Вацлав Гавел, Хельмут Шмидт, Нойа Лелосов...

Конференция-зал шикарного "Парк-отеля" был заполнен сенаторами, представителями общественности города, деятелями литературы и искусства. Прозвучала музыка, и торжественную речь в честь лауреатов премии произнес бургомистр Бремена Хеннинг Шерф. (Вместе с С. Алексеевичем он получал молодой немецкий писатель Маркус Тидеманн за публицистическую книгу-учебник "В Ашвице никто не был затравлен газом".) Потом говорили издатели, сенаторы, литераторы.

Светлана Алексеевич показывает нам то, что было на самом деле, а не то, что об этом говорили и как это представляли, и дает нам возможность увидеть трагедию века глазами тех, кто ее пережил. На протяжении многих лет она разговаривала устами жертв. Не комментировав, с огромной достоверностью она показала, как атомная катастрофа искажала жизнь людей. Читатель узнает о человеческих страданиях, которые не только трудно представить, но и невозможно вынести. Эта книга пронизана современным мотивом средневековой "пьяски смерти" и сильнейшим образом затрагивает наши эмоции. Книга Алексеевич — это реконструкция чувств, а не событий, — сказала член жюри Барбара Лизон.

Потом вручали дипломы и цветы, затем был банкет. Светлана Алексеевич согласилась дать интервью для "Русской Германии".

— Как ты воспринимаешь то, что сегодня произошло в зале "Парк-отеля"? — спросил я у нее.

— Одна из самых больших радостей жизни — это встреча с единомышленниками. Сегодня мне такую встречу подарили. Я рада.

— Поскольку премия называется "Политическая книга", я, зная твоё отношение к нашей политике и к нашим политикам, хотел бы задать тебе вопрос о взаимоотношениях писателя и политики. Что ты об этом думаешь?

— Обычно писатели отдают себя от политике. Они достаточно высокомерно и думают, что являются сами себе законом, государством и разговаривают с вечностью... Но это только одно из обобщений, которое они себе придумывают и которым утешаются. Нет людей вне политики, как и художников. И что плохого в том, что писатель будет человеком "политическим", если политика будет "хорошей", человеческая? Правда, пока что-то в мире мало такой политики. А писатель, хочешь ли этого или нет, всегда окажется на чьей-то стороне. Советская должна работать, тогда нечего будет "бояться" политики.

— Мы все себя считаем по "ведомству" какой-то культуры. Я — еврей, по-моему, ощущаю себя — почему, наверное, объяснять излишне — человеком русской культуры. А ты?

— Я принадлежу к белорусской и русской культуре — надеюсь, тоже объяснять не надо. Но если мы еще и литераторы, то возникает вопрос традиций, преемственности, предмета письма. Для "моих" культур характерна "неминая" традиция борьбы. Не зря нас называют цивилизацией слез и страданий. Страда-

ния и боль — это искусство нашей культуры.

Тебе не кажется странным, что в нашем постсоветском обществе сегодня молчат писатели, голоса которых раньше слышны были повсюду? Почему они, разрушив Кремлевскую стену, замолчали? Почему даже великий Солженицын не пишет на то, что происходит в России? Место писателя в больших залах и на стадионах заняли политики, экстрасенсы и "раскрученные" рок-группы, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Мы люди, которые призваны понять и осмыслить для всех убогих, границы которого все время раздвигаются. Я это уже осознала, когда писала "Чернобыльскую молитву".

— Как же быть тогда с искусством — радостным и разношерстным?

— Радостным и разношерстным? — Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Мы люди, которые призваны понять и осмыслить для всех убогих, границы которого все время раздвигаются. Я это уже осознала, когда писала "Чернобыльскую молитву".

— Как же быть тогда с искусством — радостным и разношерстным?

— Радостным и разношерстным? — Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Мы люди, которые призваны понять и осмыслить для всех убогих, границы которого все время раздвигаются. Я это уже осознала, когда писала "Чернобыльскую молитву".

— Как же быть тогда с искусством — радостным и разношерстным?

— Радостным и разношерстным? — Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

— Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Мы люди, которые призваны понять и осмыслить для всех убогих, границы которого все время раздвигаются. Я это уже осознала, когда писала "Чернобыльскую молитву".

— Как же быть тогда с искусством — радостным и разношерстным?

— Радостным и разношерстным? — Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Мы люди, которые призваны понять и осмыслить для всех убогих, границы которого все время раздвигаются. Я это уже осознала, когда писала "Чернобыльскую молитву".

— Как же быть тогда с искусством — радостным и разношерстным?

— Радостным и разношерстным? — Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Мы люди, которые призваны понять и осмыслить для всех убогих, границы которого все время раздвигаются. Я это уже осознала, когда писала "Чернобыльскую молитву".

— Как же быть тогда с искусством — радостным и разношерстным?

— Радостным и разношерстным? — Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Мы люди, которые призваны понять и осмыслить для всех убогих, границы которого все время раздвигаются. Я это уже осознала, когда писала "Чернобыльскую молитву".

— Как же быть тогда с искусством — радостным и разношерстным?

— Радостным и разношерстным? — Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Мы люди, которые призваны понять и осмыслить для всех убогих, границы которого все время раздвигаются. Я это уже осознала, когда писала "Чернобыльскую молитву".

— Как же быть тогда с искусством — радостным и разношерстным?

— Радостным и разношерстным? — Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

— Мы люди, которые призваны понять и осмыслить для всех убогих, границы которого все время раздвигаются. Я это уже осознала, когда писала "Чернобыльскую молитву".

— Как же быть тогда с искусством — радостным и разношерстным?

— Радостным и разношерстным? — Вот именно, разношерстным... Есть в радости и черной и светлой, и это что-то многогранно. Искусство... Ему уже много раз надо было как бы умереть. После Трои и Карфагена, после средневековой "пьяски смерти", после Герника и Хатинь, Освенцима и Трельбики, Чернобыля и Чечни... А оно живет.

Невольно возвращаюсь к проблеме "писателя — политик". У нас сегодня одинокие проблемы. Все наши общественные формулировки после Чернобыля — это интеллектуальные ловушки, убивающие для равнодушного и ленивого ума. Требуется новый инструмент. Вот вопрос и для политики, и для писателя: можно ли сегодня говорить о культуре, о способе решения проблем и улучшения мира? Здесь для искусства работы — непочатый край. В иллюзии по отношению к проблеме культуры, результат действия — разрушения, а не безжизненного утилитарного коврика и собак.

— Мне не надо представлять. Через месяц после взрыва по газетной кампанию я был в слезах, а писатели по уровню своего мышления превратились в обыкновенных обывателей. Дело не в политике, а в совете пишущего: убежденности и честности — или все на продажу. Вот в чем суть.

— Если так, что как же быть с цивилизацией слез и страданий, из которой мы вышли?

— Тут у меня возникает трагическое сомнение: кто мы сегодня? Может быть, культура, породившая нас, есть не только выражение борьбы и страданий; может, она уже (или всегда была, а мы не замечаем!) — культура разрушения? Может быть, она действительно приспособлена для лиричного опыта, как говорил Варлаам Шацков: для опыта, в котором правят бал сила и насилие? Но тут же Шацков сказал, что такой опыт нужен только в лагере, что лагерь одинокого разрабатывает и палача, и жертву...

— Невеселые истины в такой радостной день... Так кто же мы?

Я бы очень хотела, чтобы политики тоже исходили из этого принципа.

— Отчего же тогда "Чернобыльскую молитву" не издадут в Беларуси?

— Именно поэтому. У нас человеческая жизнь всегда чему-то равна: то национальной идее, то партийной, то, как сейчас, верности диктатору.

— И что дальше? Неужели всегда будет равна чему-то?

— Это грустно, что время часто отбрасывает нас назад. А сегодня еще грустнее, потому что это происходит на мученической земле Чернобыля, где состоялся "невозможный" встреча прошлого и будущего, где вместе существуют Чернобыль и диктатор. Интеллектуалы нашей родины должны обладать известным мужеством, чтобы произнести слово о ценности человеческой жизни.

— Слушаю, и возникает триальный вопрос, почти "чапаевский": и где же, по-моему, в этой жизненной неразберихе должен находиться писатель? "Вперед — на боевом коне" или "в штыб"? — Повторюсь: я воспитана на традициях борьбы. И несмотря на это, меня часто одолевает сомнение: не опаснее ли для художника место — баррикада? С нее не видно людей — с нее видны мишени. У художника на баррикаде портится зрение. Бродя борясь — героним, она ведь, как посмеет в бинокль, всегда "за правое дело", но это же оборачивается трагедией для художника. А вообще, на твой "чапаевский" вопрос ответить легко: место художника среди людей.

— А сейчас вопрос для проноса. Это тоже в традициях русской культуры — уповать на писателя. В чем же спасение?

— И на этот вопрос "легко" ответить. Надо с наивностью и честностью ребенка спросить у людей: "Почему вместо удивления даром жизни мы говорим о ненависти друг к другу?" На Чернобыльской земле мне было равно жалко и ребенка, и ежика, и рыб. Там и, может, впервые почувствовала свою ответственность перед миром всего живого. Я убеждена, что это тоже вопрос политики.

— Наверное, чтобы это почувствовать, надо так быть?

— Нет. Для этого и написана книга.

— Какие у тебя литературные премии, кроме "Политической книги"?

— Шведская имени Кнута Тухольского — "За мужество и нравственное достоинство в литературе", русская — "Триумф", еще одна русская имени Андрея Синявского — "За благородство в литературе", немецкая — "За европейское взаимопонимание" и другие.

— А белорусская?

— Нет.

— Тебе не кажется...

— Кажется. Пошли пить шампанское...

И мы пошли в банкетный зал, где были шампанское, бурмистры, сенаторы, дамы в бриллиантах. Книга "Чернобыльская молитва — хроника будущего" в прошлом году была издана в Москве, потом в Германии. В Беларусь она попала только тысяча экземпляров, которые Германия закупила в России. Эти книги были переправлены в Минск и разданы людям во время одной из демонстраций.

Светлана собирает деньги для того, чтобы издать свою книгу на русском языке в Германии и отправить тираж в родную Беларусь, где эта книга более всего нужна.

Наум ЦИПИС. На снимках: С. Алексеевич после награждения; затем, где принимали королей и... белорусскую писательницу Светлану Алексеевич.

Суд

7 верасня ў Савецкім судзе Мінска адновіцца слуханне справы па іску гісторыка Ігара Кузняцова да рэдакцыі "Народнай газеты" і прафесара А. Залескага аб абароне гонару і годнасці

7 верасня ў Савецкім судзе Мінска адновіцца слуханне справы па іску гісторыка Ігара Кузняцова да рэдакцыі "Народнай газеты" і прафесара А. Залескага аб абароне гонару і годнасці.

Як раней паведамляў БелаПАН, пачаткам гэтай гісторыі стала публікацыя 4 лістапада 1995 года ў "Народнай газеце" артыкула І. Ку

